

В. С. ДЯКИН

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ О ПАДЕНИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Широко известно, что в настоящее время у власти в ФРГ стоят силы, приведшие к власти Гитлера, ответственные вместе с ним за гибель десятков миллионов людей и за невыразимые страдания народов.

Правящие круги ФРГ все более активно провозглашают политику реванша, политику развязывания новой войны. Западная Германия снова становится угрозой для мира в Европе и во всем мире. Битые гитлеровские генералы занимающие командные посты в НАТО, вынашивают агрессивные планы против Советского Союза и стран социалистического лагеря. Для насаждения идей реванша в ФРГ используются все виды и средства пропаганды. Видную роль играют при этом реакционные буржуазные историки, перед которыми поставлена задача обелить силы реакции и снять с них ответственность за трагедию, пережитую народами мира, включая и германский народ.

Важное место при этом отводится вопросу о причинах падения Веймарской республики.

Первые книги, посвященные истории Веймарской республики, вышли в ряде стран Европы и Америки сразу же после установления в Германии фашистской диктатуры. Их авторами явились политические деятели, стремившиеся как-то осмыслить и объяснить события недавнего прошлого. В 1935 г. в Карлсбаде (Карловы Вары) вышла работа Артура Розенберга «Возникновение и история Веймарской республики».¹⁻² тогда же была написана, но впервые увидела свет лишь в 1946 г., книга Фердинанда Фриденсбурга «Веймарская республика»,³ вслед за тем появились мемуары редактора «Форвертса» Фридриха Штампфера и ряда других деятелей.

¹⁻² A. Rosenberg. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik, Karlsbad, 1935.

³ F. Friedensburg. Die Weimarer Republik. Berlin, 1946 (первое издание).

Однако основная масса работ по этой теме появилась уже после окончания второй мировой войны. Причина этого вполне объяснима. После катастрофы, к которой фашизм привел немецкий народ, нельзя было вспомнить поражения 1918 г., не задаться вопросом, как же случилось, что Веймарская республика оказалась столь нежизнеспособной и Германия так быстро вновь встала на путь реакции и войны, приведший ее к полной катастрофе.

Эта проблема тесно связана с вопросом о происхождении и характере фашизма, а следовательно, с вопросом об империализме на его современной стадии. Но западногерманские буржуазные историки, отражающие позиции правящих кругов ФРГ (и часто находящиеся у последних прямо на содержании), ставят своей целью не выяснение истинных причин краха Веймарского режима, а реабилитацию монополистических кругов и военщины, т. е. тех сил, которые привели фашизм к власти.

Придавая большое значение идеологической обработке общественного мнения с помощью исторической науки, боннские правящие круги взяли непосредственно на себя исполнение задачи по фальсификации новейшей истории Германии. С этой целью в Мюнхене создан Институт современной истории, одним из руководителей которого был назначен гитлеровский военный преступник Ганс Шпейдель. Институт финансируется боннским министерством внутренних дел. С 1953 г. Институт начал издавать «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», являющийся ведущим западногерманским журналом по новейшей истории. Журнал систематически помещает на своих страницах статьи, искажающие картину событий недавнего прошлого. На содержании у того же министерства находится и «комиссия по изучению парламентаризма и политических партий». Значительная часть работ финансировалась также из пресловутого фонда Рокфеллера.

Вся масса книг и статей о Веймарской республике (а количество их исчисляется сотнями) делится по своему характеру примерно на три группы. Первую из них составляет литература мемуарного характера. Наиболее видное место в ней занимают воспоминания руководителей социал-демократической партии. Сюда относятся книги бывшего прусского премьера Отто Брауна «От Веймара к Гитлеру»,⁴ видного деятеля правого крыла партии Вильгельма Кейля «Жизненный путь социал-

⁴ О. Браун. Von Weimar zu Hitler. Hamburg. 1949 (первое издание — Нью-Йорк, 1940).

демократа»,⁵ Пауля Лебе «Воспоминания президента рейхстага» и «Путь был долог»,⁶ усмирителя революционных рабочих в 1918—1920 гг. Густава Носке «Опыт подъема и падения одной демократии»,⁷ главы прусской полиции Карла Зеверинга «Мой жизненный путь»,⁸ уже упоминавшаяся книга Штампфера «14 лет первой германской республики»,⁹ переизданная в 1949 г. Выступили с мемуарами и буржуазные деятели — бывший министр иностранных дел Курциус «6 лет на посту министра германской республики»,¹⁰ одна из наиболее мрачных фигур республики Отто Мейснер «Государственный секретарь при Эберте, Гинденбурге и Гитлере»,¹¹ один из руководителей черного рейхсвера Г. Россбах «Мой путь сквозь время. Воспоминания и исповедь»,¹² бывший министр рейхсвера О. Гесслер «Политика в отношении рейхсвера в Веймарский период»¹³ и многие др. Авторы всех этих воспоминаний в основном ставили перед собой задачу собственной реабилитации и сведения счетов с политическими противниками. Тем не менее в качестве источников истории Веймарской республики эти работы представляют значительный интерес.

Во вторую группу входят монографии и статьи обзорного типа, посвященные или всей истории Веймарской республики или еще более обширному периоду. Из этих работ можно назвать книги Т. Эшенбурга «Импровизированная демократия Веймарской республики»,¹⁴ К. Мильке «История Веймарской республики»,¹⁵ К. Гейера «Власть и масса. От Бисмарка к Гитлеру»,¹⁶ Л. Циммермана «Опыт истории Веймарской

⁵ W. Keil. Erlebnisse eines Sozialdemokraten, Bd. 1—2. Stuttgart, 1947—1948.

⁶ P. Löbe. 1) Erinnerungen eines Reichstagspräsidenten. Berlin, 1949; 2) Der Weg war lang. Berlin, 1954.

⁷ G. Noske. Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach, 1949.

⁸ K. Severing. Mein Lebensweg, Bd. 1—2. Köln, 1950.

⁹ F. Stampfer. Die 14 Jahre der ersten deutschen Republik. Offenbach, 1949.

¹⁰ J. Curtius. 6 Jahre Minister der deutschen Republik. Heidelberg, 1948.

¹¹ O. Meissner. Staatssekretär unter Ebert, Hindenburg, Hitler. Hamburg, 1950.

¹² G. Rossbach. Mein Weg durch die Zeit. Erinnerungen und Bekenntnisse. Weilburg, 1950.

¹³ O. Gessler. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart, 1958.

¹⁴ T. Eschenburg. Die improvisierte Demokratie der Weimarer Republik. Schloss Laupheim, 1953.

¹⁵ K. Mielcke. Geschichte der Weimarer Republik. Braunschweig, 1951.

¹⁶ C. Geyer. Macht und Masse. Von Bismark zu Hitler. Hannover, 1948.

республики»,¹⁷ Голо Манна «Германская история в девятнадцатом и двадцатом веках»,¹⁸ К. Миша «Германская история в век масс»,¹⁹ Р. Пегеля «На правильном ли мы пути?»²⁰, а также монографию А. Шварца «Веймарская республика».²¹ Авторы этих книг обычно не заботятся о привлечении новых, еще неизвестных материалов и делают свои выводы на основе ранее вышедшей литературы и отчасти своих личных воспоминаний.

Наконец, третья группа представляет собой ряд исследований, посвященных отдельным проблемам или этапам истории Веймарской республики. Здесь необходимо прежде всего отметить серию монографий, издаваемую «комиссией по истории парламентаризма и политических партий» (книги Х. Тимм, В. Тормина, В. Либе),²² и ряд отдельных работ, в особенности фундаментальную монографию Карла Дитриха Брачера «Разложение Веймарской республики»,²³ книгу Георга Хальгартена «Гитлер, рейхсвер и индустрия»²⁴ и некоторые др. Различные по политической окраске, по научной ценности и обоснованности выводов эти исследования вводят в оборот большое количество новых документов и материалов и, безусловно, заслуживают серьезного внимания.

Все названные произведения, к какой бы группе они ни относились, требуют, разумеется, самой строгой критической проверки. Как будет далее показано, ни одно из них такой научной, марксистско-ленинской критики не выдерживает. Отдавая должное огромному количеству фактов, вводимых западногерманскими буржуазными историками в научный оборот, мы должны отметить, что основательность их выводов, в чем мы также сможем убедиться, не соответствует объему проделанной ими работы.

¹⁷ L. Zimmermann. Studien zur Geschichte der Weimarer Republik. Erlangen, 1956.

¹⁸ Golo Mann. Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Frankfurt/M., 1958.

¹⁹ K. Misch. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen von der französischen Revolution bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1952.

²⁰ R. Poegel. Sind wir auf dem richtigen Wege? Deutsche Schicksalsfragen gestern, heute und morgen. Frankfurt/M., 1954.

²¹ A. Schwarz. Die Weimarer Republik. Konstanz, 1958.

²² H. Timm. Die deutsche Sozialpolitik und der Bruch der grossen Koalition im März 1930. Düsseldorf, 1952; W. Tormin. Zwischen Räte-diktatur und sozialer Demokratie. Düsseldorf, 1954; W. Liebe. Die Deutschnationale Volkspartei. 1918—1924. Düsseldorf, 1956.

²³ K. D. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. «Schriften des Instituts für politische Wissenschaft», H. 4. Stuttgart u. Düsseldorf, 1955.

²⁴ G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt/M., 1955.

В настоящей статье будет рассмотрена далеко не вся западногерманская литература по истории Веймарской республики. Мы ставим перед собой задачу гораздо более скромную — проследить, как ставится вопрос о причинах падения Веймарского режима лишь в последних монографиях на эту тему.

Большинство западногерманских историков, споря между собой по отдельным частным вопросам истории Веймарской республики, тем не менее сходятся в принципах подхода к решению интересующей нас темы, в выборе того круга проблем, среди которых они ищут решение вопроса. Из общей массы вышедших за последние годы книг только немногие можно, да и то с большими оговорками, отнести к относительно «левому» крылу западногерманской исторической науки.

Представителей «левого» крыла характеризует большой интерес к социальным проблемам, попытки действительного изучения истории, следствием чего является привлечение ими очень большого ранее неизвестного материала, обилие в их книгах интересных данных, заслуживающих внимания советских историков. Но несмотря на это, ограниченность концепции авторов, представляющей собой смешение буржуазно-либеральных и реформистских взглядов, лишает их возможности прийти к правильным выводам.

Характерна в этом отношении работа Хельги Тимм «Германская социальная политика и крах большой коалиции в марте 1930 г.».²⁵ Показателен уже самый выбор темы исследования. Для большинства западногерманских историков последним защитником Веймарского режима является Брюнинг, и именно его падением датируют они начало конца республики. Тимм тоже считает Брюнинга сторонником демократии, но она понимает, что для объяснения причин гибели этой демократии необходимо прежде всего рассмотреть классовые противоречия в обществе. За действиями партий и фракций Хельга Тимм видит позиции классов и социальных слоев, в этом достоинство ее книги.

Рассмотрев последовательный ход борьбы вокруг вопросов социальной политики и в особенности вопрос о помощи безработным, Тимм приходит к выводу: «Противоречия, вызванные социальной политикой, обострились до вопроса о принципах... На этом политическом противоречии, где речь шла о власти, о предпочтении для того или другого общественного слоя... сконцентрировался главный конфликт внутри коалиции. Все проблемы, которые угрожали совместной работе партнеров по коалиции, которые характеризовали кризис парламентской

²⁵ Н. Тимм, ук. соч.

системы и в конце концов привели к концу коалиции, стояли в причинной связи с этой борьбой за власть».²⁶

Наибольший интерес представляют рассуждения Тимм о том, был ли крах коалиции неизбежен и кто несет ответственность за него. Тимм подчеркивает, что чем дальше в годы стабилизации заходил процесс концентрации промышленности в новых все более мощных трестах и картелях, с одной стороны, и чем больше усиливалась борьба рабочего класса против эксплуатации, с другой (по терминологии Тимм «чем больше организации пролетариата, профсоюзы и партия, стремились стать по крайней мере равноправным фактором власти»),²⁷ тем сильнее выступали на поверхность политической борьбы экономические противоречия. Наступивший кризис и возросшая безработица обусловили дальнейшее обострение борьбы. В этих условиях, пишет Тимм, — «в хозяйственных кругах укреплялось мнение о наличии причинной связи между парламентарско-демократическим строем государства с его „классово-ограниченной“ социальной политикой и всеобщим экономическим и финансовым кризисом. „Система“ была виновата во всем... С этой точки зрения понятно, что эти хозяйственные круги вышли из левой коалиции, что совместная работа с социал-демократами казалась им равнозначной с поддержанием существующего порядка, что они, напротив, приветствовали ослабление парламента и увеличение власти президента и под конец перешли даже к поддержке праворадикальных, разрушающих „систему“ тенденций».²⁸ И несколько ниже Тимм дает еще более четкую формулировку: «...борьба против социальной политики как принципиальная борьба за сохранение частно-капиталистической экономической и политической системы превратилась в борьбу против демократически-парламентского государства».²⁹ Таким образом, книгу Тимм характеризует понимание как классового содержания происходивших событий, так и ответственности германских монополистических кругов за установление фашистской диктатуры.

Но Тимм, вышедшая из среды реформистских профсоюзных деятелей, изменила бы своей соглашательской природе, если бы не постаралась обвинить и «другую сторону». Вину социал-демократии и «свободных» профсоюзов (которые в ее изложении олицетворяют собой рабочий класс) Тимм видит в том, что они тоже были ослеплены своими классовыми интересами.³⁰ Таким

²⁶ Там же, стр. 196—197.

²⁷ Там же, стр. 200.

²⁸ Там же, стр. 200.

²⁹ Там же, стр. 201.

³⁰ Там же, стр. 201.

образом, если большинство буржуазных историков хвалит германскую социал-демократию за ее отказ от защиты интересов рабочего класса, то Тимм ругает ее за излишнюю защиту пролетарских интересов. Тимм считает, что социал-демократии следовало уступить в вопросе о пособии по безработице и тем сохранить большую коалицию; ведь все равно, пишет она, через полгода СДПГ оказалась вынужденной идти на еще большие уступки и проводить политику «пассивной поддержки» (*tolerieren*) правительства Брюнинга. В отказе от капитуляции перед буржуазией во имя сохранения Веймарского строя видит Тимм «историческую вину рабочего класса».³¹ При этом она не замечает, что противоречит сама себе, ибо совершенно ясно, что если, как она справедливо отмечала выше, монополистическая буржуазия видела в демократическом государстве помеху для осуществления своей политики и стремилась к установлению диктатуры, никакие уступки и компромиссы не могли бы спасти ни большую коалицию, ни Веймарскую республику, поскольку монополии требовали бы все новых и новых уступок. Политика «меньшего зла», которую по сути дела проповедует Х. Тимм, уже была испробована на практике германской истории, и ныне даже буржуазные историки не решаются выступать в ее защиту.

Признав с самого начала, что большая коалиция развалилась из-за принципиального различия в подходе СДПГ и Народной партии к вопросу о социальной политике³² (в действительности различие не было принципиальным, но для изложения мысли Тимм это не важно, — В. Д.), Тимм тем не менее сетует на политические партии, которые-де не увидели последствий правительственного краха.³³ В этих сетованиях звучит тоскливый призыв реформиста к компромиссу, к отказу от классовой борьбы. Если, как мы увидим ниже, для последователей Розенберга и Эшенбурга Веймарская республика погибла в силу своего «импровизированного» компромиссного характера, то для Тимм гибель республики объясняется, наоборот, недостаточной готовностью к компромиссу.

Вышедшая двумя годами позже работа Вальтера Тормина «Между диктатурой Советов и социальной демократией»³⁴ не рассматривает специально вопроса о падении Веймарской республики, а посвящена ее рождению. Но сама трактовка этой проблемы дает основания для выводов о точке зрения автора на причины гибели республиканского строя в Германии. Тор-

³¹ Там же, стр. 206.

³² Там же, стр. 8.

³³ Там же, стр. 192.

³⁴ W. Torgin, ук. соч.

мин поставил перед собой задачу снять с руководства СДПГ обвинение в предательстве революции, с одной стороны, и доказать, с другой стороны, что можно и нужно было развивать в Германии советское движение, но только не по русскому образцу (об этом см. подробнее в связи с книгой А. Розенберга). Тормин справедливо отмечает, что борьба между двумя группами в рабочем классе укрепила третью силу — защитников старой системы, которые сохранили свои позиции в экономике и в управлении государством.³⁵ Однако ответственность за братоубийственную борьбу Тормин возлагает не на истинных ее виновников — оппортунистических лидеров, а на спартаковцев. Кроме того, он совершенно упускает из виду силы контрреволюции и даже делает следующее открытие: «Вопреки взглядам, широко распространенным во время и после революции, силы, которые противостояли парламентской демократии, были численно и идеологически слишком слабы и раздроблены, чтобы иметь вообще шансы на успех».³⁶ Тем самым Тормин снимает с реакционных сил ответственность за незавершенность революции и слабость республики; он возлагает ее на рабочий класс, заявляя, что «на пути радикального изменения существующего строя стояли прежде всего традиции рабочего движения».³⁷ Если бы Тормин имел при этом в виду традиции оппортунистического руководства СДПГ, он был бы в известном смысле прав, но в такой «обобщенной» форме утверждение Тормина является уже клеветой на германский рабочий класс. Основу концепции Тормина составляет, таким образом, умаление контрреволюционной опасности в стране и возложение ответственности за слабость Веймарской республики на пролетариат.

Специально падению Веймарской республики посвящена книга К. Д. Брахера «Разложение Веймарской республики».³⁸ До настоящего времени она является наиболее значительным исследованием в буржуазной историографии по этому вопросу и требует поэтому более подробного рассмотрения.

Книга Брахера состоит из двух частей. В первой дается общая (очень подробная) характеристика Веймарской республики, соотношения сил и процессов, происходивших в ней. Во второй части, опять-таки очень подробно, рассматриваются последние годы перед приходом к власти фашистов (1930—1933 гг.).

³⁵ Там же, стр. 137.

³⁶ Там же, стр. 137.

³⁷ Там же, стр. 137.

³⁸ К. D. Bracher, ук. соч.

При оценке условий возникновения республики Брахер следует широко распространенной в буржуазной историографии концепции об «импровизированно-компромиссном» характере республики. Брахер показывает, что результатом «компромиссного» характера республики, т. е. незавершенности буржуазно-демократической революции, явилось сохранение позиций реакции, всевластие рейхсвера и старой бюрократической машины. В этом Брахер справедливо видит одну из коренных причин слабости республиканского режима в Германии.

Немало интересных и правильных наблюдений делает Брахер, анализируя позицию и деятельность СДПГ. Он отмечает разрыв между ее теорией и практикой, безразличие и даже враждебность ее верхушки по отношению к крестьянству, чем сумели воспользоваться гитлеровцы,³⁹ потерю контакта с молодежью. Брахер справедливо указывает на наличие внутреннего кризиса в СДПГ, отрыв ее верхушки от масс рядовых членов,⁴⁰ неоднократно отмечает Брахер усиление левой оппозиции в партии.

Много интересных замечаний делает Брахер и по адресу других партий и организаций. Особенно это относится к различного рода военным союзам. Брахер рисует в общем верную картину того, как члены этих союзов пришли к фашизму.⁴¹ Он высказывает много верных мыслей о психологии мелкой буржуазии, об особенностях настроений германской молодежи, о роли мифов типа «удара в спину», «без боя побежденной» армии и других в привлечении молодежи на сторону фашизма.⁴²

В целом ряде случаев Брахер глубже, чем другие буржуазные историки, анализирует причины установления фашистской диктатуры. Он говорит об обострении социальных противоречий в связи с экономическим кризисом, о том, что буржуазные партии в эти годы резко правеют и идут на сближение с фашизмом. Следуя за Х. Тимм, Брахер считает главной виновницей падения последнего парламентского кабинета Г. Мюллера народную партию и стоящее за ней «хозяйство», т. е. монополистов. В действиях народной партии в 1930 г. он видит переход от борьбы за сохранение капиталистического строя к нападению на саму демократическую «систему» Веймарской республики.⁴³ Ниже мы увидим, что решившись на такую оценку роли монополий в 1930 г., Брахер отнюдь не склонен признать их виновными в приходе фашистов к власти в 1933 г.

³⁹ Там же, стр. 74.

⁴⁰ Там же, стр. 75—77.

⁴¹ Там же, стр. 133.

⁴² Там же, стр. 131—132.

⁴³ Там же, стр. 303.

Важной чертой монографии Брахера является отсутствие в ней настроения безысходности, фатальной неизбежности победы гитлеризма. Говоря о перевороте 20 июля 1932 г., совершенном Папеном в Пруссии, и считая, что помешать перевороту в тот момент было нельзя (такая типичная для буржуазных историков оценка событий — результат недооценки роли и сил пролетариата), Брахер в то же время пишет: «Все же оставалась возможность решительной демонстрации, проявления нерушимой воли к самоутверждению демократии против временно победивших насильственных действий. Это могло бы... спасти демократическое самосознание, которое затруднило бы новым властителям их путь, могло бы замедлить и ограничить будущее развитие событий... Если правильно, что захват власти национал-социалистами произошел в последнюю минуту, в момент растущих признаков развала НСДАП, то подобные соображения следует считать не пустыми домыслами».⁴⁴ В последующем изложении Брахер доказывает, что фашистская партия действительно переживала глубокий кризис. Основной вывод Брахера — фашизм можно было остановить — звучит обвинением тем, кто привел Гитлера к власти. В этом состоит положительное значение книги.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что Брахер не сумел дать правильного ответа на вопрос о причинах падения республики.

Анализа расстановки классовых сил в книге Брахера нет. Не случайно он ложно определяет даже самое понятие пролетариата (не по месту в производстве, а по доходам).⁴⁵ Хотя Брахер читал К. Маркса и даже иногда ссылается на его работы, марксистский метод исследования остается для него чуждым. Как правило, вместо взаимоотношений классов у него выступают только взаимоотношения партий, вместо социальной истории Веймарской республики — ее парламентская история.

В качестве одной из причин победы фашизма Брахер называет неудачную политику и пассивность германской социал-демократии. Но его критика СДПГ идет справа. Он осуждает выступления левой оппозиции в СДПГ против коалиционной политики вождей и, напротив, считает, что необходимо было во что бы то ни стало сохранять большую коалицию, т. е. солидаризуется в этом вопросе с точкой зрения Тимм. Основным грехом лидеров СДПГ Брахер считает то, что они, оглядываясь на своих избирателей и «во имя марксистских принципов», пошли на разрыв коалиции и пожертвовали правительством Г. Мюллера.⁴⁶ «Демократия, — заявляет Брахер, — отказалась от своего

⁴⁴ Там же, стр. 599.

⁴⁵ Там же, стр. 161.

⁴⁶ Там же, стр. 302.

собственного базиса, когда ее носители сочли возможным поставить на место осуществимых на практике компромиссов неподвижные принципы... Признаком не силы, а именно слабости парламента в Веймарской республике было то, что после отчаянной лихорадки партийной активности он совершенно выпустил из рук бразды политического контроля».⁴⁷ Таким образом, Брахер, сам же отметивший обострение социальных противоречий в связи с начавшимся экономическим кризисом, все-таки считает причиной падения кабинета Мюллера (а он называет его самым черным днем социал-демократии и германской демократии вообще)⁴⁸ не это обострение противоречий между классами в стране, а «лихорадку межпартийной и межфракционной борьбы» в парламенте. Именно поэтому в его книге так часто выражается сожаление, что социал-демократия вместо того, чтобы заниматься «конструктивной работой в рейхстаге», прислушивалась к голосу своих избирателей.⁴⁹ Для парламентской концепции автора характерно само построение второй части книги. Период 1930—1933 гг. Брахер делит на два этапа — этап потери власти и этап безвластия (Machtvakuum). К первому этапу он относит правительство Брюнинга, ко второму — кабинеты Папена и Шлейхера. Отличительным признаком для него являются взаимоотношения между правительствами и рейхстагом. Поэтому период кабинетов Папена и Шлейхера, означавших постепенный переход финансового капитала к методам открытой диктатуры, Брахер именует периодом безвластия.

При схеме «вакуума власти» исчезают те, кто действительно являлись хозяевами страны — германские монополии, и движущими силами истории выступают интриги отдельных лиц. Отсюда у Брахера преувеличение роли Гинденбурга, отсюда и заявление о том, что Гитлер пришел к власти в результате акта мести Шлейхеру со стороны Папена.⁵⁰ Не случайно Брахер старается преуменьшить значение фактов, которые он не может обойти, и стремится доказать, что, например, требование монополистических кругов в ноябре 1932 г. о передаче власти Гитлеру не имело большого значения. Показательно, что в заключительной главе, где Брахер перечисляет причины, приведшие к установлению фашистской диктатуры, он называет структурные пороки республики, экономический кризис, политическую радикализацию, ловкую демагогию, даже «сомнительную

⁴⁷ Там же, стр. 299.

⁴⁸ Там же, стр. 302.

⁴⁹ Там же, стр. 82. 83 сл.

⁵⁰ Там же, стр. 62.

позицию рейхсвера», но ни словом не упоминает о роли германских монополий в приходе Гитлера к власти.⁵¹

В связи с парламентской концепцией автора находится и его одобрительное отношение к попыткам «укрощения фашизма» путем включения НСДАП в правительственную комбинацию обычного типа. Поэтому он явно сожалеет о неудаче, постигшей Шлейхера в подобной попытке, и осуждает социал-демократию, отказавшуюся активно поддержать Шлейхера.⁵²

Брахер, подобно другим буржуазным историкам, явно злоупотребляет психологическими экскурсами. Психологический анализ затемняет, а иногда и заменяет у него анализ социально-экономический. Поэтому он не сумел понять подлинной природы фашизма. Брахер отлично видит реакционный характер фашизма, не раз иронизирует над «антикапитализмом» его демагогии, признает даже связи фашистской партии с монополистическими кругами (но только с 1930 г.).⁵³ Тем не менее он протестует против «чисто экономически-социального» определения фашизма, который-де являлся движением не классовым, а «подчеркнуто объединяющим»,⁵⁴ включающим в себя различные антагонистические группировки. Брахер, таким образом, смешивает массы, обманутые фашистской демагогией, с наиболее реакционными кругами финансового капитала, интересы которых представляла и защищала гитлеровская партия.

В монографии Брахера не дается позиции рабочего класса, не показана борьба против фашизма, которая велась вне парламента. Больше того, Брахер явно отрицает всякую внепарламентскую борьбу и, в частности, враждебно относится к внепарламентской деятельности компартии. В его работе имеется целый ряд положений, ставших уже стандартными у западногерманских историков, есть у него и традиционное обвинение КПП в «неконструктивной оппозиции» против Веймарского режима, и набившие оскомину «анalogии» между КПП и фашистской партией. Антикоммунизм Брахера не позволил ему увидеть ни подлинных причин победы фашизма, ни настоящих путей борьбы против реакции. Ныне, когда западногерманские правящие круги запретили деятельность коммунистической партии и преследуют другие демократические организации, либеральным буржуазным историкам стоило бы задуматься над вопросом — куда ведет антикоммунизм.

Таким образом, исследователи, стоящие на «левом» фланге современной западногерманской исторической науки, не смогли

⁵¹ Там же, стр. 730—731.

⁵² Там же, стр. 684, 711.

⁵³ Там же, стр. 113.

⁵⁴ Там же, стр. 171.

дать ответа на вопрос о причинах гибели Веймарской республики. Больше того, Тормин и Брахер не смогли даже удержаться на том уровне понимания этих причин, который характерен для книги Хельги Тимм.

Еще дальше от истины находятся представители господствующего в ФРГ направления.

Ответственность германских монополий за установление фашистской диктатуры со всей очевидностью доказана как историками-марксистами в СССР и других социалистических странах, так и прогрессивными историками западных стран. Их виновность была подтверждена многочисленными документами на Нюрнбергском процессе, несмотря на стремление представителей США, Англии и Франции избежать обсуждения этой темы. Столь же бесспорна активная роль, которую сыграл в свержении демократического режима и установления гитлеровской диктатуры германский рейхсвер. Однако утверждение истины не входит в планы реакционных историков ФРГ, поскольку это разоблачило бы подлинный характер процессов, происходящих ныне в Федеральной республике, затруднило бы германским монополиям их реваншистскую пропаганду, их борьбу против демократических сил страны, их курс на возрождение вермахта.

Общей чертой буржуазных исследований по истории Веймарской республики является стремление снять ответственность за ее гибель с германского финансового капитала. С этой целью буржуазные историки либо вообще отказываются от анализа позиций различных классов и общественных групп в политической борьбе, подменяя его описанием действий отдельных лиц, либо, признав сквозь зубы вину тех или иных представителей монополистических кругов (чаще всего — Гугенберга), стараются доказать случайность и нетипичность этих фактов. Чтобы облегчить себе отказ от исследования классовых причин краха Веймарской демократии, эти историки заявляют, что «марксистская схема» классового деления общества неверна и нельзя применять ее для объяснения исторических событий.

Почти столь же единодушны западногерманские историки в своих усилиях обелить рейхсвер. Поскольку враждебная позиция, занятая рейхсвером по отношению к Веймарской республике, общеизвестна, авторы современных работ и не пытаются отрицать ее. Фальсификация истории идет здесь в другом направлении. Делаются попытки доказать, что хотя рейхсвер и не поддерживал республиканского строя в Германии, но он не поддерживал и фашистскую партию, занимая позицию «нейтрального» наблюдателя. Кроме того, вопрос о позиции рейхсвера сводится к позиции отдельных его руководителей — Секта, Гре-

нера, Шлейхера, классовое же содержание политики милитаристских кругов не анализируется.

Наконец, общей чертой для всей этой литературы является ненависть к Коммунистической партии Германии и к Советскому Союзу, стремление возложить на коммунистов ответственность за слабость Веймарского режима.

В работах современных западногерманских историков существует несколько связанных друг с другом концепций относительно причин установления фашистской диктатуры.

Первая из них восходит к книге Артура Розенберга «Возникновение и история Веймарской республики», изданной, как уже упоминалось, в Карлсбаде в 1935 г., ставшей известной в Германии в 1945 г. и переизданной в ФРГ с сокращениями в 1955 г.

Артур Розенберг прожил жизнь ренегата. Придя в 1920 г. в германскую компартию вместе с левым крылом Незав.СДПГ, он стал одним из лидеров «ультра-левых» в компартии, затем вернулся в реформистский лагерь и кончил жизнь профессором Бруклин-колледжа в Нью-Йорке. Результатом такой биографии явился повышенный интерес к проблемам рабочего движения, стремление «научно обосновать» свое ренегатство и облить грязью германскую компартию, что он и проделывает в своей книге с большим усердием. В то же время на книгу наложили отпечаток «грехи юности» Розенберга, и он продолжал пользоваться псевдомарксистской и псевдореволюционной фразеологией.

Ответа на вопрос о причинах гибели Веймарской республики А. Розенберг искал в исследовании обстоятельств ее рождения, в исследовании Ноябрьской революции. Вывод его звучал следующим образом: Республика погибла потому, что социал-демократическая партия в 1918 г. не поставила своей целью создание основ действительной демократии, не произвела национализации тяжелой промышленности, не разрушила старого аппарата управления. Розенберг писал, что необходимо было в противовес монархическим добровольческим корпусам произвести всеобщее вооружение народа и создать Советы как органы власти.⁵⁵ Казалось бы, что в оценке Ноябрьской революции Розенберг остался на верных позициях. Но эта иллюзия исчезает, как только выясняется, как понимал Розенберг Советы. Он специально подчеркивает, что германская революция не должна была развиваться по типу русской, что необходимо было сочетать Советы с Национальным собранием, а из самих Советов изгнать представителей компартии. Контрреволюционный ло-

⁵⁵ А. Rosenberg, ук. соч., стр. 288—289.

зунг российских кулаков и белогвардейцев — «Советы без коммунистов» — вот что на деле предлагал Розенберг в качестве спасительного решения для Германии. Но тем самым он становился на позиции германских реформистов, которые довели до логического завершения политику выхолащивания из Советов их революционного содержания. Точно так же стоит только, как справедливо возражал в данном случае Розенбергу Эрдман,⁵⁶ задуматься над вопросом — была ли в условиях 1918 г. для Германии возможность создать вооруженную силу, которая не являлась бы ни пролетарской Красной Армией, ни реакционным рейхсвером во главе с кайзеровским офицерством, — как станет ясно, что перед социал-демократией было только два пути: развитие пролетарской революции или ее предательство и союз с реакцией. И раз Розенберг выступает против пролетарской революции, все его красивые слова оказываются таким же прикрытием оппортунистической измены, как и соответствующие демагогические заявления правых лидеров СДПГ, тоже говоривших о социальной революции. Как бы «революционно» ни выглядел вывод, что Веймарская республика погибла потому, что социальная (не социалистическая, а социальная!) революция не осуществилась, он не может прикрыть неумения и нежелания Розенберга увидеть истинный смысл предательства правых лидеров социал-демократии.

Вывод этот неверен и в другой связи. Безусловно, что непоследовательность демократических преобразований, открытый союз социал-демократии с реакционной военщиной, то, что Теодор Эшенбург (соиздатель «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*» и крупный чиновник боннского правительства в 1945—1952 гг.) назвал в своей книге «импровизированным характером» Веймарской республики, — предопределили слабость республиканских институтов, слабость буржуазно-демократического лагеря в Германии, способствовали в дальнейшем падению республики. Но заявить, что в обстоятельствах Ноябрьской революции заложены все причины краха Веймарского режима, значит придать истории фаталистический характер. Именно это и было сделано в работах ряда английских и американских авторов, один из которых прямо назвал Веймарскую республику «увертюрой к третьему рейху».⁵⁷

Книга Розенберга вызвала различную реакцию у западногерманских буржуазных историков. С одной стороны, даже лишенная внутреннего содержания розенберговской постановкой

⁵⁶ К. D. Erdmann, ук. соч., стр. 7.

⁵⁷ G. Scheele. *The Weimar Republic. Overture to the Third Reich.* London, 1946.

вопроса идея Советов подействовала на них, как красная тряпка на быка, и они резко выступили против этой идеи.

С другой стороны, современные историки в ФРГ приняли в известной степени идею предопределенности гибели Веймарской республики, которая у самого Розенберга выступала в основном лишь между строк, и обсуждают вопрос, соответствовала ли вообще историческим условиям попытка создания в Германии буржуазно-демократического государства.⁵⁸

Т. Эшенбург в книге «Импровизированная демократия Веймарской республики»⁵⁹ уклоняется от прямого ответа на этот вопрос. Похвалив германскую социал-демократию за то, что она «не подалась проискам большевизма, но воспрепятствовала его проникновению в Германию ценой забвения собственной партийной доктрины»⁶⁰ (не поздоровится от этаких похвал!), он одновременно упрекает ее в близорукости в отношении контрреволюционных сил. Эшенбург утверждает, что в период создания Веймарской республики ни одна из партий не представляла себе, каковы должны быть условия действий парламентской демократии, и именно этой «святой простотой» объясняет «импровизацию» республики в союзе с реакционными феодально-монархическими силами. Эшенбург видит далее основное внутреннее противоречие Веймарской республики в том, что попытка создать государство на общественной (genossenschaftlicher) основе была предпринята «в то время как народ был еще во власти традиций господства».⁶¹ Мы еще не раз встретимся с историками, заявляющими, подобно Эшенбургу, что в победе фашизма виноват германский народ. Во всяком случае общая позиция Эшенбурга сводится к утверждению о невозможности сохранения в Германии в 1920-1930 годах демократической республики.

Более узко, но потому и более верно, ставит этот вопрос профессор Геттингенского университета Вильгельм Трейе в соответствующем разделе своей «Германской истории».⁶² Оставаясь в основном на позициях «импровизированной демократии» и подчеркивая, какое большое число сторонников старого монархического строя по-прежнему выступало против республики, подрывая основы ее существования, он уделяет особое внимание непоследовательности революции 1918 г., идеологической

⁵⁸ Только «левые» историки восприняли точку зрения Розенберга на место Советов в Ноябрьской революции, что мы видели на примере В. Тормина.

⁵⁹ Th. Eschenburg, ук. соч.

⁶⁰ Цит. по: W. Treue, Deutsche Geschichte. Stuttgart, 1958, S. 723.

⁶¹ Цит. по: «Vierteljahrshfte für Zeitgeschichte», 1955, H. 1, S. 10.

⁶² W. Treue, ук. соч.

борьбе и воспитанию нового поколения в Германии. «События ноября 1918 г., — пишет он, — хотя и привели к ликвидации монархии в империи и землях, но ни по сравнению с опытом истории, ни в собственном смысле этого слова они не были революцией... также и в культурном отношении после военно-политического краха и в связи с образованием Веймарской республики не произошло революционного переворота».⁶³ И это, как подчеркивает Трейе, содействовало гибели республики, поскольку все образование и воспитание велось не в республиканском, а в реакционном и националистическом духе.⁶⁴ Этот момент безусловно имеет важное значение, но производное и подчиненное. Сама по себе культурная реакция не могла сыграть решающей роли в подготовке победы фашизма.

Курт Зонтеймер в статье «Антидемократические настроения в Веймарской республике»⁶⁵ называет несколько возможных, с его точки зрения, ответов о причинах падения Веймарской республики: это — влияние мирового экономического кризиса, тяжесть последствий поражения в войне (в особенности воздействие репарационного бремени), «супердемократизм» конституции, не дававшей возможности бороться с ее врагами, отсутствие внутренней интеграции германского народа (излюбленная тема у немецких историков, заимствованная ими из арсенала фашистской демагогии). Но все эти ответы не удовлетворяют Зонтеймера. Решающую причину видит он в «критическом отношении духовно ведущих слоев к республиканско-демократическому государству».⁶⁶ Придавая решающее значение культурной реакции, Зонтеймер не хочет дать социальной характеристики носителям антидемократических идей. Стремление рассматривать духовную жизнь германского народа, как нечто единое, развивавшееся в одном направлении, и избежать классовых оценок описываемых им же самим явлений приводит Зонтеймера к тому, что он и фашизм рассматривает не как силу, порожденную обострением классовых противоречий, не как орудие германских монополий в их борьбе против рабочего класса и всех демократических сил, а как «конгломерат идей», к которому постепенно привели антидемократические течения Веймарского периода.⁶⁷

Вторая концепция, возникшая с первых же дней гитлеровского режима и наиболее широко распространенная в буржуаз-

⁶³ Там же, стр. 724.

⁶⁴ Там же, стр. 725.

⁶⁵ K. Sontheimer. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1957, H. 1.

⁶⁶ Там же, стр. 42.

⁶⁷ Там же, стр. 46.

ной историографии по сегодняшний день, исходит из того, что падение Веймарской республики является случайным и незаконномерным явлением, за которое ответственны Гинденбург и его ближайшее окружение. Эту концепцию поддерживал и столп германской буржуазной исторической науки Фридрих Мейнеке в своей книге «Немецкая катастрофа».⁶⁸ Ей следуют в основном и авторы вышедших за последние годы книг — Мильке, Герцфельд, Конце, Пегель и Шварц.

«Внутренняя политика последних лет Веймарской республики, — пишет в своей книге «История Веймарской республики» Карл Мильке, — представляет собой трудно распутываемый клубок борьбы за власть между группами, группками и отдельными честолюбцами и гордецами, борьбы, которая часто решалась с помощью интриг. Близорукая жадность, которая не хотела отдавать ничего и, в конечном итоге, в результате своей „политики“ потеряла все, играла при этом такую же роль, как и слепая ненависть к политическим врагам».⁶⁹ В этом заявлении Мильке сконцентрированы основные тезисы буржуазных историков — и стремление изобразить поход против республиканского строя как простые интриги «честолюбцев и гордецов», и трактовка борьбы в защиту демократии как «близорукой жадности». Мильке уверен в том, что историю делают отдельные люди. Поэтому он считает образование кабинета Штреземана в августе 1923 г. поворотным моментом в истории Веймарской Германии,⁷⁰ поэтому же он заявляет, что два человека — Штреземан и Бриан — видели путь спасения Европы, но «национальный эгоизм» народов сорвал их планы.⁷¹ Мильке ничего не говорит о той роли, которую сыграли германские монополии в устанвлении фашистской диктатуры, а о рейхсвере, вопреки историческим фактам, утверждает, что тот выступал против передачи власти Гитлеру.⁷²

Даже на фоне современной западногерманской исторической литературы книга Мильке выделяется слепой ненавистью к Коммунистической партии Германии и Советскому Союзу. Начиная с первых страниц, где он, имея в виду выступления спартаковцев, заявляет, что «революция слева подготовила дорогу революции справа»,⁷³ и до последнего абзаца Мильке

⁶⁸ F. Meineke. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden; 1947.

⁶⁹ K. Mielcke. Geschichte der Weimarer Republik. Braunschweig, 1951, S. 114.

⁷⁰ Там же, стр. 62—63.

⁷¹ Там же, стр. 122.

⁷² Там же, стр. 121.

⁷³ Там же, стр. 15.

внушает читателям мысль, что именно коммунисты виноваты в победе Гитлера. Он договаривается при этом до чудовищного утверждения, что «коммунистический центр» в Москве сознательно жертвовал КПГ и содействовал победе фашизма в целях развязывания мировой войны.⁷⁴ Стремление выгородить истинных поджигателей войны приводит Мильке к наглой клевете на силы прогресса и социализма.

Книга Пегеля «На правильном ли мы пути. Вопросы германских судеб вчера, сегодня и завтра»⁷⁵ отличается от предыдущей: Пегель все же указывает на те социальные слои, которые являлись врагами республики. К ним он относит прежде всего юнкерскую реакцию, которая не могла примириться с потерей того положения, какое она занимала в кайзеровской Германии.⁷⁶ Пегель, указывая также на враждебность к республике со стороны буржуазных кругов, пишет, что немецкая буржуазия далеко отошла от своих идеалов 1848 г. и выступала даже против своего старого знамени (речь идет о так называемом конфликте насчет флага, вызвавшем острую борьбу в правящем лагере Германии в 1920-х годах).⁷⁷ Не стоит в данном случае спорить с Пегелем об идеалах немецкой буржуазии 1848 г., лакействовавшей перед прусским королем и всей феодальной реакцией старой Германии. Важно отметить другое — объяснение Пегеля обращено назад, он выводит отказ буржуазии от республиканской формы правления не из обострения классовой борьбы и страха монополий перед растущей силой пролетариата, а из прошлого, из «привычки подчинения и привитого преклонения перед князьями, дворянством и военными чинами».⁷⁸ Пегель, иными словами, видит монархическую реакцию, но не решается увидеть связи между буржуазией и фашизмом. Подобной сознательной слепотой страдает не только Пегель; она же лежит в основе всего изложения В. Либе в его книге «Немецкая национальная народная партия. 1918—1924»,⁷⁹ в которой автор подробно прослеживает нити, связывавшие партию со старыми силами кайзеровской империи, но умолкает каждый раз, когда речь должна идти о взаимоотношениях националистов с фашистами.

Возвращаясь к работе Пегеля, следует отметить еще одну ее характерную черту. Поставив темой своей книги не больше не меньше как выяснение судеб Германии, он ни словом не по-

⁷⁴ Там же, стр. 117—118.

⁷⁵ R. P o e g e l, ук. соч.

⁷⁶ Там же, стр. 140.

⁷⁷ Там же, стр. 133.

⁷⁸ Там же, стр. 132.

⁷⁹ W. L i e b e, ук. соч.

минает о той роли, которую играл рейхсвер в Веймарской республике. Но если не говорить в связи с вопросом о ее гибели ни о монополистической буржуазии, ни о рейхсвере, то остается только объяснить падение республики злой волей Гинденбурга, что Пегель и проделывает,⁸⁰ бросив заодно ком грязи в адрес Советского Союза и германской компартии.⁸¹

У профессора Мюнстерского университета Вернера Конце, написавшего главу, посвященную Веймарскому периоду в коллективном обзоре германской истории,⁸² преувеличение роли Гинденбурга сочетается с сожалениями по поводу политической раздробленности народа, который не сумел создать единой платформы для правительственных и оппозиционных партий.⁸³

Ярче всего стремление возложить ответственность за падение республики на Гинденбурга и окружавшую его камарилью выступает в недавно вышедшей монографии профессора философии в Высшей теологической школе во Фрейзинге Альберта Шварца «Веймарская республика».⁸⁴

Наибольшее внимание Шварц уделяет внешнеполитической истории Веймарской республики. При этом он резко выступает против Рапалльского договора, заявляя, что он ничего не дал Германии, только ухудшив ее отношения с Францией, и проводит мысль о необходимости постоянного союза Германии с западными державами.

В изложении внутригерманской истории Шварц пытается эклектически соединить различные точки зрения по интересующему нас вопросу. На страницах, посвященных Ноябрьской революции, довольно отчетливо чувствуется влияние Розенберга и Тормина. Подобно им, Шварц считает вполне возможным совместить Национальное собрание и Советы, подчеркивая при этом ту мысль, что Советы не обязательно должны были действовать по большевистскому образцу.⁸⁵ Большое значение придает Шварц компромиссному характеру Веймарской республики, при создании которой, по его словам, была сделана попытка примирить и объединить все направления. «Но в этом достоинстве, — пишет Шварц, — в желании любой ценой добиться единства и единодушия, лежала также смертельная слабость Веймарской конституции».⁸⁶

⁸⁰ R. Roegel, ук. соч., стр. 159.

⁸¹ Там же, стр. 157.

⁸² «Deutsche Geschichte im Überblick», Herausgegeben von Peter Rassow. Stuttgart, 1953.

⁸³ Там же, стр. 632.

⁸⁴ A. Schwarz, ук. соч.

⁸⁵ Там же, стр. 33.

⁸⁶ Там же, стр. 51.

В своей аргументации, в объяснении того, в чем именно заключалась эта смертельная слабость, Шварц встает на типичные для западногерманских буржуазных историков позиции чисто парламентского подхода к исследуемой проблеме. Поэтому, вместо анализа расстановки классовых сил в стране, в книге выступает анализ расстановки сил в рейхстаге, причиной неработоспособности которого оказывается, по Шварцу, пропорциональная система голосования, плодившая-де мелкие партии и раздроблявшая парламентские группировки.⁸⁷ Поэтому же Шварц неодобрительно отзывается о воссоединении в 1922 г. СДПГ и правого крыла независимцев, поскольку это воссоединение, по его словам, затруднило образование коалиции между СДПГ и буржуазными партиями.⁸⁸ Только однажды в книге мелькает признание того факта, что классовая борьба в стране являлась решающей для политической борьбы в рейхстаге. Речь идет об объяснении им причин, в силу которых после краха кабинета Г. Мюллера оказалось невозможным создание нового правительственного большинства. Но и здесь Шварц не пошел дальше упоминания вопроса о социальном обеспечении,⁸⁹ явившегося, как известно, поводом для развала правительственной коалиции.

Чем больше приближается Шварц в своем изложении к 30 января 1933 г., тем сильнее выступает на первый план в его построениях злая воля Гинденбурга, Папена и Шлейхера.⁹⁰ Поставив вопрос, было ли падение Веймарской республики неизбежным, Шварц дает на него отрицательный ответ и заключает: «При той же продолжительности жизни, что и первая французская республика (считая срок существования последней до консульства Наполеона), Веймарская республика — в отличие от французской — была основана не благодаря клятве в зале для игры в мяч и завоевана не на баррикадах; она в большей степени заполнила собой образовавшийся вакуум власти (опять вакуум!). Она также не была защищена и потеряна на баррикадах, но скорее — и в данном случае подобно первой французской республике — в момент преждевременной политической усталости и в состоянии все еще не преодоленной политической незрелости ее граждан пала жертвой покушения своего верховного хранителя и представителя — здесь Гинденбурга, там Бонапарта».⁹¹

⁸⁷ Там же, стр. 52—53.

⁸⁸ Там же, стр. 85.

⁸⁹ Там же, стр. 164.

⁹⁰ Там же, стр. 182 и сл.

⁹¹ Там же, стр. 196.

В еще более чистом виде, чем у Шварца, сведение истории к парламентским комбинациям выступает в книге одного из ведущих историков ФРГ профессора Фрейбургского и западно-берлинского университетов Ганса Юлиуса Герцфельда «Современный мир».⁹² Герцфельд также нападает на систему пропорционального представительства, видя в ней «решающую причину неудачи Веймарской республики».⁹³ Сквозь всю работу Герцфельда проходит сравнение политического строя Веймарской Германии и Англии, причем Герцфельд выступает сторонником английских порядков. Как было показано выше, то же сочетание чисто парламентской истории с тезисом о «республике — жертве покушения» отразилось и на самом фундаментальном исследовании по данной теме — книге Карла Брахера. Сочетание это не случайно. Если не видеть классовых сил, ведших к гибели Веймарскую республику, если объяснять появление диктаторских президиальных кабинетов Брюнинга, Папена и Шлейхера только отсутствием ответственного большинства в рейхстаге, то вся история Германии в 1930—1933 гг. окажется сведенной к отношениям между рейхстагом и президентом, и фигура фельдмаршала Гинденбурга приобретет отнюдь не присущие ей титанические размеры. Не случайно поэтому западногерманские историки уделяют столь большое внимание вопросу об умственных способностях Гинденбурга и неоднократно заявляли, что будь Гинденбург несколько помоложе, отдавай он себе отчет в своих поступках, он не поручил бы Гитлеру формирование кабинета, и Веймарская республика была бы спасена.

В 1955 г. видный западногерманский историк профессор Кильского университета К. Д. Эрдман выступил на страницах «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» со статьей, в которой он пытался подвести некоторые итоги изучения интересующего нас вопроса.⁹⁴ Весьма характерна направленность этой статьи. Эрдман резко обрушивается на книгу Розенберга, которая для современных буржуазных историков является чересчур левой. Он довольно метко местами критикует половинчатые тезисы Розенберга, но критикует их с правых позиций. Вместе с трактовкой А. Розенбергом Ноябрьской революции Эрдман отвергает и всю концепцию неизбежности краха Веймарской республики.⁹⁵ Он выступает одновременно и против преувеличения

⁹² H. Herzfeld. Die Moderne Welt. 1789—1945. II Teil. Weltmächte und Weltkriege die Geschichte unserer Epoche. 1890—1945. Braunschweig, 1952.

⁹³ Там же, стр. 242.

⁹⁴ К. Д. Erdmann, ук. соч.

⁹⁵ Там же, стр. 7—10, 16—17.

роли Гинденбурга и его камарильи, поскольку благоприятные условия для их деятельности против республики создались лишь тогда, когда образовался «легислативный вакуум», и рейхстаг не смог выполнять дальше своих задач.⁹⁶ Но, как и другие буржуазные историки, Эрдман не идет дальше парламентской истории и даже не пытается дать классового анализа положения в стране. Поэтому он старается вывести образование пресловутого вакуума, т. е. обострение классовых противоречий в Веймарской Германии, из последствий Версальского договора.⁹⁷ Потерпев в этом неудачу, Эрдман, фигурально говоря, разводит руками и признается в бессилии дать ответ на вопрос о причинах гибели республики.⁹⁸

Однако основным содержанием статьи является именно поход против Розенберга, в который включился и целый ряд других авторов журнала. Этот поход свидетельствует о дальнейшем поправлении официальной исторической науки в ФРГ, которая не может мириться даже с половинчатым анализом социальных отношений, поскольку такой анализ неизбежно ведет к признанию реакционной роли монополистического капитала в Веймарской республике. Поэтому, несмотря на заявления Эрдмана, его единомышленники продолжают объяснять победу фашизма злой волей отдельных личностей.

Еще более реакционные антинаучные позиции занимают Миш, Голо Манн и Фриденсбург. В их построениях также переплетаются обе основные версии западногерманской историографии, но от большинства авторов их отличает открытое стремление переложить ответственность за приход фашистов к власти на германский народ, на трудящиеся массы. Если Конце, Трей и другие решаются только сетовать на отсутствие единства народа в борьбе против фашистской угрозы, отнюдь не разясняя, почему не было этого единства, то Миш, а в особенности Манн и Фриденсбург прямо заявляют, что народные массы привели Гитлера к власти.

В обстановке 1952 г., когда реакционные западногерманские круги еще не чувствовали себя так уверенно, как после вступления ФРГ в НАТО, Карл Миш, автор «Германской истории в век масс от французской революции до сегодняшнего дня»,⁹⁹ не решался еще откровенно высказывать свою точку зрения. В изложении начального периода Веймарской истории Миш следует в основном за пессимистической версией. По его словам, «события создали в Германии такую республику, которой никто,

⁹⁶ Там же, стр. 17.

⁹⁷ Там же, стр. 13—17.

⁹⁸ Там же, стр. 18—19.

⁹⁹ C. M i s c h, ук. соч.

собственно, не хотел. Буржуазия вообще не хотела республики. Рабочие хотели не столько демократической, сколько социальной республики. То, что, несмотря на это, демократическая республика была основана, объяснялось внешнеполитическими обстоятельствами» — необходимостью возможно скорее конституировать государство, чтобы получить мир.¹⁰⁰ Ясно, что такая, никому не нужная республика была обречена на гибель.

Этот ответ, однако, представляется Мишу недостаточным, и он формулирует восемь, на его взгляд, основных слабостей Веймарской республики, обусловивших ее падение. К ним он относит: позицию рейхсвера, все более и более становившегося государством в государстве; отрицательное отношение к республике со стороны буржуазии; индифферентность рабочего класса; националистический дух школы; саботаж республики органами юстиции; экономическую слабость Германии, которая за 14 лет республики имела лишь 4 года хорошей конъюнктуры; существование военизированных союзов и подстрекательство (*Wühlererei*) против республики со стороны гитлеровской партии.¹⁰¹ В этом конгломерате причин верные положения смешаны с неверными, существенные с несущественными.

Утверждение об индифферентности рабочего класса, который один только последовательно и самоотверженно боролся против установления фашистской диктатуры, понадобилось Мишу для того, чтобы снять ответственность за победу фашизма с буржуазии и возложить ее на трудящиеся массы, на весь германский народ. В этом отношении он идет еще дальше. Рассказывая о событиях, связанных с убийством Эрцбергера, и знаменитой фразе И. Вирта «враг стоит справа», Миш позволяет себе заявить: «Нацию эти его слова тяжело обидели. Для нее враги стояли вовне, а внутри страны — слева»,¹⁰² приписывая, таким образом, всей нации позицию контрреволюционных кругов. Еще ранее, характеризуя в предисловии к книге описываемый им период как «век масс», Миш делает следующее заявление: «Германия прошла этот век от Наполеона до Гитлера. Наполеон, который играл главную роль в истории Германии, осуществлял ее извне. Его германское повторение — Гитлер воздействовал из Германии на мир. Оба они были продуктами новой эры, оба были выдвинуты массами. Только Гитлер в еще большей степени являлся продуктом своей эпохи, еще сильнее поддерживался массами».¹⁰³ И это пишет историк, который сам же признает, что именно буржуазия не хотела республики. В этой

¹⁰⁰ Там же, стр. 272.

¹⁰¹ Там же, стр. 345—346.

¹⁰² Там же, стр. 296.

¹⁰³ Там же, стр. VII.

связи показательно, как объясняет Миш возникновение военизированных союзов в Веймарской Германии. Его объяснение, поражающее на первый взгляд нарочитой примитивностью, на деле преследует далеко идущие цели. «Поскольку, — пишет Миш, — в Германии не существовало больше воинской повинности, а юношество стремилось играть в солдаты, образовались политические союзы с военной организацией».¹⁰⁴ Опять же — не реакция создавала свою вооруженную силу для насильственного подавления рабочего класса, а массы, юношество, видите ли, хотело «играть в солдаты». Однако в условиях Западной Германии 1952 г. тезис этот имел вполне определенный смысл, он являлся идеологическим обоснованием курса на создание нового вермахта. Миш стремился убедить читателей, что создание западногерманской армии является гарантией против появления реакционных милитаристских организаций в стране. Но читателям достаточно было только оглядеться вокруг, чтобы увидеть, что боннский вермахт и многочисленные милитаристские организации в ФРГ не противостоят, а дополняют друг друга.

Наиболее открыто связывает изложение истории Веймарской республики с текущими потребностями правящих кругов ФРГ бывший полицей-президент Берлина, а ныне представитель Западного Берлина в бундсрате ФРГ Фердинанд Фриденсбург. В 1957 г. он выпустил второе, полностью переработанное издание своей книги «Веймарская республика», которое в сущности является совершенно новой работой. И если в написанном в 1934 г. варианте звучало недовольство буржуазного политика, которого фашизм изгнал из своей страны, и Фриденсбург поэтому находил слова осуждения в адрес реакции, то в новом варианте все подчинено только оправданию и обоснованию аденауэровской политики.

Это стремление проявляется очень заметно в разделах книги, связанных с вопросами о рейхсвере и о внешней политике Германии. Фриденсбург повторяет антисоветские фальшивки о «русских деньгах» и о русском вмешательстве во внутренние дела Германии¹⁰⁵ и одновременно выражает благодарность Соединенным Штатам за их помощь в 1919 и 1923—1924 гг. При этом он выражает сожаление, что «Соединенные Штаты в принципе были тогда еще очень далеки от европейских дел и из-за этого было очень тяжело рассчитывать на американскую политику, как на постоянную величину в развитии и по эту сторону океана».¹⁰⁶ В этих словах явно чувствуется желание

¹⁰⁴ Там же, стр. 346.

¹⁰⁵ F. Friedensburg Die Weimarer Republik. Hannover, 1957, S. 104.

¹⁰⁶ Там же, стр. 103.

убедить немцев в необходимости и благотворности американского вмешательства во внутренние дела Германии, вмешательства, на котором основан весь внешнеполитический курс Аденауэра. Следует отметить также, что к числу причин, вызвавших падение республиканского строя в Германии, Фриденсбург относит тот факт, что республика «была вынуждена проводить внешнюю политику, казавшуюся негероической».¹⁰⁷ Не скрывается ли в этих словах намек на право германской военщины возобновить «героическую», т. е. агрессивную политику третьего рейха? Строя свою книгу по принципу «сказка — ложь, да в ней намек», Фриденсбург не только здесь использует историю Веймарской республики для обоснования нынешнего реакционного курса ФРГ.

Причины гибели республики Фриденсбург объясняет с крайне правых позиций. Касаясь Ноябрьской революции и формирования Веймарского режима, он утверждает, что «народ не был подготовлен к демократической республике».¹⁰⁸ Это освобождает его от необходимости выяснить соотношение и расстановку классовых сил в стране перед революцией. Объяснив непрочность достижений революции неподготовленностью народа, Фриденсбург воздает традиционную дань уважения лидерам социал-демократии за то, что они «поняли большую задачу сохранения государства» и предали дело революции.¹⁰⁹ Но если в своей трактовке этого предательства как исторической заслуги Фриденсбург лишь следует традиции буржуазных историков, то его оценка позиции буржуазии в революционные дни оригинальна своей откровенностью. Фриденсбург обвиняет буржуазию в том, что она растерялась и не использовала своего опыта и организационных способностей для выхода из революционного кризиса (читай — для подавления революции). Если бы, утверждает Фриденсбург, буржуазия это сделала, «ноябрь 1918 г. мог бы выглядеть иначе».¹¹⁰ В описании всей последующей классовой борьбы Фриденсбург все время подчеркивает необходимость подавления выступлений слева и отрицает наличие правой опасности. Если, таким образом, по Розенбергу, республика погибла из-за слабости революции, то Фриденсбург, склонный примерно к той же фаталистической концепции, объясняет ее гибель слабостью контрреволюции.

Главную ответственность за приход Гитлера к власти Фриденсбург возлагает на германский народ. Пользуясь излюбленной терминологией фашистов и вопреки общеизвестным истори-

¹⁰⁷ Там же, стр. 156.

¹⁰⁸ Там же, стр. 108.

¹⁰⁹ Там же, стр. 108.

¹¹⁰ Там же, стр. 109.

ческим фактам, он утверждает, что народ ждал слияния всех партий и направлений в единое целое, которое привело бы к созданию нового германского государства как «интеграции различных сил», а если этого нельзя было достичь, то — «сурового кулака государственного руководства». «Ни того, ни другого, — пишет Фриденсбург, — не было к концу 1932 г., и люди не имели больше терпения ждать медленного органического роста народного единства». Поэтому-де победил фашизм.¹¹¹

При такой позиции естественно, что Фриденсбург и не думает возлагать ответственность за гибель республики на германскую армию. Если большинство историков ФРГ не может уйти от признания злой роли, которую сыграл рейхсвер в победе Гитлера, и лишь старается свести ее к злой воле тех или иных отдельных руководителей, то Фриденсбург, наоборот, упрекает деятелей Веймарской республики в «неправильной политике в отношении рейхсвера и так называемых военных союзов», имея в виду недостаточное потворство планам милитаристских кругов.¹¹² Другой реакционный историк, Голо Манн, вообще ставит вопрос с ног на голову. Он заявляет, что не рейхсвер находился в оппозиции к государству, а, наоборот, «демократии свойственно стоять в оппозиции к армии», и «когда краткая попытка Носке примирить армию и народ, пруссачество и социализм потерпела неудачу, она (демократия, — В. Д.) вновь встала во имя божье в оппозицию к армии».¹¹³ С своей стороны, Фриденсбург упрекает Антанту за то, что она запретила Германии организацию армии, основанной на всеобщей воинской повинности, «которая могла бы создать возможность действительно демократического развития».¹¹⁴ Вот где зарыта собака! Смысл выступлений Манна и Фриденсбурга в защиту германской армии состоит именно в том, чтобы идеологически оправдать и обосновать воссоздание вермахта боннскими правящими кругами. Они хотели бы уверить читателей, что это делается не для чего иного, как специально для укрепления демократии.

С первых же страниц своего «лирико-психологического эссе» «Германская история в девятнадцатом и двадцатом веках»¹¹⁵ реакционный западногерманский журналист Голо Манн выступает сторонником антидемократических сил. Он противопоставляет лидерам СДПГ их крайне правого собрата Носке, о котором он пишет: «Носке не был subtilным мыслителем.

¹¹¹ Там же, стр. 156.

¹¹² Там же, стр. 258.

¹¹³ С. Манн, ук. соч., стр. 672.

¹¹⁴ F. Friedensburg, ук. соч., стр. 257.

¹¹⁵ С. Манн, ук. соч.

Он был сильным практическим человеком и имел сердце с правой стороны». ¹¹⁶ Подводя итоги периоду становления Веймарской республики, Манн делает вывод: «Германская республика, поскольку она должна была быть социал-демократической, пришла уже в 1920 г. к концу. Если так должно было случиться... то было бы действительно лучше сохранить монархию. И здесь лежит причина того, почему Эберт, который знал свою Германию, хотел в ноябре 1918 г. спасти монархию». ¹¹⁷ Высказанная в условной форме мысль о желательности сохранения монархии не явилась случайной обмолвкой; ниже, подводя итог Веймарскому периоду, Манн вновь утверждает, что монархия английского типа была бы лучшей опорой демократии, чем Веймарская республика. ¹¹⁸ Это положение звучит весьма парадоксально, но Манн тут же раскрывает свое понимание демократии, которая, по его мнению, означает сохранение прав меньшинства, а именно «имущих классов». ¹¹⁹

Но если так, то именно гитлеровская диктатура являлась лучшей формой манновской «демократии», поскольку она была целиком направлена на обеспечение интересов германских монополий. Отсюда понятна позиция, занятая Манном в отношении фашистской партии и Гитлера. Не давая какой бы то ни было классовой оценки фашизма, Манн пишет о Гитлере, что это был «хороший солдат», который любил Германию и хотел помочь ей в ее безвременье, но только не знал, как это сделать. ¹²⁰ Нарисовав картину событий, приведших к гибели Веймарской республики, которая в его изображении выглядит как фатальная цепь ошибок, недоразумений и случайностей, в ходе которых ни одна партия и группа не понимала, что делает, и только коммунисты (ну, конечно же!) содействовали победе фашизма, ¹²¹ Манн заключает свое изложение следующей оценкой роли Гитлера: «Сильнейший политик междуцарствия (так Манн именуется Веймарскую республику) имел право взять власть, он должен был показать, на что он способен, и если бы только он немного соблюдал меру, то 1933 г. открыл бы собой новый, легитимный период немецкой истории, и он правил бы еще сегодня». ¹²² Манн вновь прибегает к надоедливому параллелям между Гитлером и Наполеоном. Наполеон, заявляет Манн, был прав 18 брюмера, так считала Франция и большая часть Европы.

¹¹⁶ Там же, стр. 669.

¹¹⁷ Там же, стр. 674.

¹¹⁸ Там же, стр. 780.

¹¹⁹ Там же, стр. 781.

¹²⁰ Там же, стр. 743.

¹²¹ Там же, стр. 760.

¹²² Там же, стр. 790.

Но с 1805 г. положение изменилось, и история Франции стала цепью авантюр. «Так же и в германском случае. Те же качества, которые сделали Гитлера сильнейшим человеком междуцарствия, толкали его дальше... он полностью потерял рассудок, и наружу прорвались ему самому неизвестные дьявольские силы его души».¹²³ Таким образом, Манн рассматривает всю историю Веймарской республики как досадное междуцарствие и полностью приветствует захват власти фашизмом, сожалея лишь о проявленных Гитлером излишествах. Поскольку это могло бы показаться слишком даже для нынешних правящих кругов ФРГ, Манн маскирует свою позицию то похвалами в адрес прусского социал-демократического правительства, то сожалениями о «фуриях демагогии», обрушившихся на Веймарскую республику.

Таким образом, характерной чертой крайне правого крыла западногерманских историков является открытое осуждение Ноябрьской революции, недовольство самим фактом существования Веймарской республики. Находясь в этом вопросе на позициях тех самых сил, которые погубили республику, представители этого направления, естественно, не хотят обвинять в содействии фашизму германские монополии и возлагают ответственность за ужасы гитлеровской тираннии на германский народ, который-де жаждал «сурового кулака» и выдвинул Гитлера. Для Голо Манна при этом свержение республиканского строя не преступление и не ошибка, а скорее заслуга. Наконец, эти историки открыто, без какой-либо маскировки, ставят себя на службу сегодняшней политике правящих кругов ФРГ, прежде всего на службу возрождающейся германской военщине.

Итак, в каком же направлении идет современная германская буржуазная историческая наука в рассматриваемом вопросе?

Мы видели, что немногочисленное и крайне непоследовательное «левое» крыло постепенно сдает свои позиции. При всех своих очень серьезных недостатках книга Х. Тимм все же четко ставила вопрос о роли германских монополий в падении республики. Тимм видела классовые причины политической борьбы в стране, и ее соглашательские сожаления об этой борьбе не могут зачеркнуть написанного ею. Уже В. Тормин переводит вопрос в другую плоскость, отрицает серьезность контрреволюционных сил в стране и видит главную опасность для Веймарской республики не справа, а слева. Наконец, Бракер в книге, специально посвященной причинам падения Веймарской республики, не выходит за рамки чисто парламентской концепции, подменяет классовый анализ психологическим и прилагает

¹²³ Там же, стр. 790.

поистине «героические» усилия, чтобы в огромной массе приводимых им фактов найти оправдание монополистическим кругам.

Эта тенденция характерна не только для «левого» крыла. В более ранних работах значительное место уделялось вопросу об условиях становления Веймарской республики, и именно в обстоятельствах рождения «импровизированной демократии» буржуазные историки пытались найти объяснение ее краха, что, при всей неверности такого подхода, все же требовало определенного анализа расстановки сил в стране и оценки позиции буржуазии и юнкерства. В результате Пегель вынужден был признать отрицательное отношение германской буржуазии к республиканскому строю. Для правящих кругов ФРГ, по вполне понятным соображениям, такая концепция была неудачной. Неудивительно поэтому, что субсидируемый ими «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*» открыл с 1955 г. кампанию против Розенберга, который первым выступил с этой точкой зрения. С каждой новой работой все отчетливее проступало стремление — отойти от какого бы то ни было логического объяснения причин победы фашизма и выводить крах Веймарской республики из чисто случайного сплетения интриг, ошибок и недоразумений, происходивших в результате действий отдельных лиц. В книге А. Шварца уже четко сформулирован существовавший с самого начала, но ранее проводившийся не так откровенно тезис о республике как «жертве покушения».

В книгах представителей крайне правого крыла также наблюдается все более открытая защита антидемократических концепций. То, что Миш в 1952 г. писал еще между строк, Фриденсбург пишет уже в полный голос, а Голо Манн решается прямо брать под защиту самого Гитлера.

Германская буржуазная историческая наука идет вправо. Чем дальше заходят правящие круги ФРГ в своем реакционном внутреннем и внешнеполитическом курсе, тем дальше отходят буржуазные историки от разоблачения истинных виновников гибели первой германской республики, тем более открыто ставят они себя на службу возрождающемуся германскому милитаризму. От них поэтому не приходится ждать истории Веймарской республики, которая в какой-то мере приближалась бы к действительности.